

Время Правека

Правек — это место, которое лежит в центре вселенной.

Если быстрым шагом пройти Правек с севера на юг, это займет один час. И так же с востока на запад. А если бы кто-то захотел обойти Правек кругом, неторопливым шагом, внимательно все разглядывая и размышляя, — это заняло бы у него целый день. С утра и до вечера.

На севере границей Правека является дорога из Ташува до Келец, оживленная и опасная, так как рождает тоску странствий. За этой границей присматривает архангел Рафал.

На юге граница обозначена городком Ешкотли, с костелом, богадельней и низенькими домиками вокруг вечно грязной рыночной площади. Городок этот представляет угрозу тем, что рождает стремление обладать и быть обладаемым. Со стороны городка Правек стережет архангел Габриэль.

С юга на север, от Ешкотлей до Келецкой дороги, ведет Большак, и Правек лежит по обе его стороны.

Западная граница Правека — это сырые заливные луга, кусочек леса и дворец. При дворце есть конезавод, где один конь стоит столько же, сколько це-

лый Правек. Кони принадлежат Помещику, а луга — Ксендзу Настоятелю. Опасность западной границы — гордыня. Здесь границу стережет архангел Михал.

На востоке границей Правека является река Бе-
лянка, отделяющая его земли от земель Ташува. По-
том Белянка сворачивает к мельнице, а граница бе-
жит дальше сама, лугами, меж зарослей ольшаника.
Опасностью с этой стороны является глупость, кото-
рая рождается из желания мудрствовать. Эту границу
стережет архангел Уриэль.

В центре Правека Бог насыпал холм, куда каждую
весну слетаются тучи майских жуков. Поэтому люди
назвали его Жучиной Горкой. Ибо дело Бога — тво-
рить, а дело людей — называть.

С северо-запада на юг течет река Черная, которая
у мельницы соединяется с Белянкой. Черная глубока
и темна. Она несет свои воды через лес, и тот отра-
жает в ней свое заросшее лицо. По Черной скользят
парусники сухих листьев, а в ее пучинах борются за
жизнь неосторожные насекомые. Черная тербит де-
ревья за корни, подмывает лес. Временами на ее тем-
ной поверхности возникают водовороты, потому что
река может быть гневной и необузданной. Каждый
год поздней весной она разливается на луга Ксенд-
за и там загорает на солнышке. Позволяет лягушкам
размножаться целыми тысячами. Ксендз воюет с ней
все лето, и каждый год под конец июля она милости-
во разрешает вернуть себя в свое русло.

Белянка мелка и шустра. Она широко растекается
по песку, и ей совсем нечего прятать. Она прозрач-
на и своим чистым песчаным дном отражает солнце.

Она похожа на большую блестящую ящерицу, проskalьзывает между тополями и делает озорные повороты. Трудно предугадать ее проказы. В какой-то год она может сделать остров из зарослей ольхи, а потом на целые десятилетия отодвинется далеко от деревьев. Белянка течет перелесками, лугами и пастбищами. Сверкает песчано и золотисто.

У мельницы реки соединяются. Сначала плывут рядом, нерешительные, смущенные вождеденной близостью, а потом впадают друг в друга и друг в друге теряются. Река, вытекающая из этого тигля у мельницы, это уже и не Белянка, и не Черная. Она могуча и без труда приводит в движение мельничное колесо, которое мелет зерно для хлеба.

Правек лежит по берегам обеих этих рек и той третьей, родившейся из их обоюдного вождедения. Эта новая река, которая возникла от объединения Черной и Белянки, называется Река и течет себе от мельницы спокойная и сбывшаяся.

Время Геновефы

Летом четырнадцатого года за Михалом приехали два конных царских офицера в светлых мундирах. Михал видел, как они приближаются со стороны Ешкотлей. Знойный воздух доносил их смех. Михал стоял на пороге дома в своем кафтане, белом от муки, и ждал, хотя ему было уже ясно, чего им надо.

— *Вы кто?* — спросили они по-русски.

— *Меня зовут Михаил Юзефович Небесский,* — ответил Михал, в точности так, как следовало отвечать.

— Ну, значит, у нас для вас сюрприз.

Он взял повестку и отнес жене. Она целый день плакала и готовила Михала на войну. И от плача была такой слабой и тяжелой, что не смогла переступить порога дома, чтобы проводить мужа взглядом до моста.

Когда опали цветы картофеля и на их месте завялились маленькие зеленые плоды, Геновефа обнаружила, что беременна. Она отсчитала на пальцах месяцы и досчиталась до первых сенокосов в конце мая. Это, должно быть, произошло именно тогда. Теперь она убивалась, что не успела сказать Михалу. Может, растущий день ото дня живот был каким-то знаком, что Михал вернется, что должен вернуться. Геновефа сама управлялась с мельницей так же, как это делал Михал. Следила за работниками и выписывала квитанции крестьянам, привозящим зерно. Прислушивалась к шуму воды, вращающей жернова, и к грохоту машин. Мука оседала на ее волосах и ресницах, так что когда она стояла вечером у зеркала, то видела в нем старую женщину. Старая женщина потом раздевалась и перед зеркалом изучала живот. Ложилась в постель и, несмотря на подушки и шерстяные носки, не могла согреться. А поскольку в сон, как и в воду, входят всегда маленькими шажками, она долго не могла уснуть. Так что у нее было много времени на молитвы. Сначала «Отче наш», потом молитва Деве Марии, а на самый конец, на сон грядущий, Геновефа оставляла любимую молитву ангелу-хранителю. Она просила его позаботиться о Михале, ведь на войне, быть может, требуется больше, чем только один

ангел-хранитель. Потом молитвы переходили в образы войны, которые были просты и убоги, потому что Геновефа не знала иного мира, кроме Правека, и иных войн, кроме субботних потасовок на рынке, когда пьяные мужики выходили от Шлома. Они хватили друг друга за полы кафтанов, валились на землю и катались в черной жиже, перепачканные, грязные и жалкие. И Геновефа представляла себе войну как такое же побоище, прямо посреди грязи, луж и мусора, как драку, в которой все решается сразу, одним махом. Поэтому она удивлялась, что война тянется так долго.

Иногда, отправляясь делать закупки в город, она прислушивалась к разговорам людей.

— Царь сильнее Немца, — говорили.

Или:

— Война закончится на Рождество.

Но она не закончилась ни на это Рождество, ни на одно из четырех последующих.

Перед самыми праздниками Геновефа выбралась на закупки в Ешкотли. Проходя по мосту, она увидела идущую вдоль реки девушку. Бедно одетую и босую. Ее голые ступни смело погружались в снег, оставляя глубокие маленькие следы. Геновефа вздрогнула и остановилась. Посмотрела сверху на девушку и отыскивала для нее в сумке копеечку. Девушка подняла взгляд, и глаза их встретились. Монета упала в снег. Девушка улыбнулась, но в улыбке этой не было ни благодарности, ни симпатии. Показались большие белые зубы, блеснули зеленые глаза.

— Это тебе, — сказала Геновефа.

Девушка присела на корточки и пальцем осторожно выковыряла из снега монету, потом повернулась и молча пошла дальше.

Ешкотли выглядели так, словно их лишили красок. Все было черно-бело-серым. На рыночной площади кучками стояли мужчины. Они рассуждали о войне. Города разрушены, а имущество горожан валяется на улицах. Люди бегут от пуль. Брат ищет брата. Неизвестно, кто хуже — Русский или Немец. Немцы травят газом, от которого лопаются глаза. Перед новью будет голод. Война — это лишь первая из бед, за ней последуют другие.

Геновефа обошла кучу конского навоза, который плавил снег перед магазином Шенберта. На фанерке, прибитой к двери, было написано:

АПТЕКА

Шенберт и К^о

на складе содержатся
только перворазрядного качества
мыло хозяйственное
синька для белья
крахмал пшеничный и рисовый
масло свечи спички
порошок против насекомых

Ей вдруг сделалось дурно от слов «порошок против насекомых». Она подумала о том газе, который используют Немцы и от которого лопаются глаза. Чувствуют ли тараканы то же самое, когда их посыпают порошком Шенберта? Ей пришлось сде-

лать несколько глубоких вдохов, чтобы не стошнило.

— Я вас слушаю, — певучим голосом сказала молодая женщина с огромным животом. Она посмотрела на живот Геновефы и улыбнулась.

Геновефа попросила керосин, спички, мыло и новую рисовую щетку. Провела пальцем по острой щетине.

— Буду наводить порядок к празднику. Полы перемою, занавески постираю, прочищу печку.

— У нас тоже скоро праздник. Освящение Храма — Ханука. Вы ведь из Правека? С мельницы? Я вас знаю.

— Теперь уже мы обе друг друга знаем. Вам когда рожать?

— В феврале.

— И мне в феврале.

Пани Шенберт начала раскладывать на прилавке куски серого мыла.

— Вы не задумывались, зачем мы, глупые, рожаем, когда тут война кругом?

— Наверное, Бог...

— Бог, Бог... Он — хороший бухгалтер и следит за колонками «приход» и «расход». Необходим баланс. Сколько уйдет, столько и прибует... А вы, наверно, к сыну такая ладная.

Геновефа подняла корзинку.

— Мне дочка нужна, муж-то на войне, а мальчику без отца расти плохо.

Шенберт вышла из-за прилавка и проводила Геновефу до дверей.

Ольга Токарчук

— Да нам вообще дочери нужны. Если бы все вдруг начали рожать дочерей, в мире стало бы спокойнее.

Они обе рассмеялись.

Время Ангела Миси

Ангел видел рождение Миси совершенно иначе, нежели повитуха Куцмерка. Ангелы вообще видят все иначе. Они воспринимают окружающее не через физические формы, в которых мир постоянно себя воспроизводит и которые сам же уничтожает, но через их смысл и душу.

Ангел-хранитель, приставленный Богом к Мисе, видел разбитое страданием обмякшее тело, колышущееся в бытии, словно лоскуток, — это было тело Геновефы, рожаящей Мисю. А саму Мисю Ангел видел как свежее, пустое и светлое пространство, в котором через мгновение появится ошарашенная, едва проснувшаяся душа. Когда ребенок открыл глаза, Ангел-хранитель поблагодарил Всевышнего. Потом взгляд ангела и взгляд человека впервые встретились. И Ангел затрепетал, как только может трепетать ангел, не имеющий тела.

Ангел принял Мисю в этот мир за спиной повитухи, он очищал ей пространство для жизни, показывал ее другим ангелам и Всевышнему, а его бестелесные губы шептали: «Смотрите, смотрите, вот она, моя душа-душенька». Его переполняла необыкновенная, ангельская нежность, любовное сопереживание — то единственное переживание, которое есть у ангелов.

Ведь Творец не дал им инстинктов, эмоций и потребностей. Если бы они все это получили, то не были бы существами духовными. Единственный инстинкт, который имеют ангелы, это инстинкт соперничества. Единственное переживание ангелов — это бесконечное, тяжелое, точно небосвод, соперничество.

Теперь Ангел видел Куцмерку, которая обмывала ребенка теплой водой и вытирала мягкой фланелью. Потом он посмотрел в покрасневшие от напряжения глаза Геновефы.

Он наблюдал за событиями, словно за текущей водой. Они не интересовали его сами по себе, не пробуждали любопытства, потому что он знал, откуда и куда они текут, знал их начало и конец. Он видел ход событий: похожих и непохожих, близких во времени и отдаленных, вытекающих одно из другого и совершенно друг от друга не зависящих. Но и это не имело для него значения.

События для ангелов являются чем-то вроде сна или фильма без начала и конца. Ангелы не способны принимать в них участие и не могут извлекать из них пользу. Человек учится у мира, учится у событий, учится знанию о мире и о себе, отражается в событиях, определяет свои границы и возможности, дает себе названия. Ангел не должен ничего черпать извне, он познает все через самого себя, все знание о мире и о себе он сам в себе заключает — таким создал его Бог.

У ангела нет такого разума, как у человека, он не делает выводов и предположений. Он не мыслит логически. Некоторым людям он может показаться

глупым. Но ангел изначально носит в себе плод с древа познания, чистое знание, которое можно обогатить только предчувствием. Это разум, освобожденный от мышления, а вместе с ним — от ошибок и идущего вслед за ними страха. Это сознание без предубеждений, возникающих от неверного восприятия. Но, как и все, созданное Богом, ангелы изменчивы. Этим объясняется, почему так часто Ангела Миси не было, когда она в нем нуждалась.

Ангел Миси, когда его не было, отводил взгляд от земного мира и смотрел на другие миры, высшие и низшие, на других ангелов, назначенных каждой вещи на свете, каждому зверю и растению. Он видел иерархию всего сущего, удивительную конструкцию, с заключенными в ней Восемью Мирами, видел Творца, погруженного в процесс творения. Но ошибался бы тот, кто решил бы, что Ангел Миси разглядывает лики Господа. Ангел видел больше, чем человек, но не все.

Уносясь мыслями к другим мирам, Ангел с трудом фокусировал внимание на мире Миси, который был похож на мир других людей и животных, темный и полный страдания, словно мутный, заросший ряской пруд.

Время Колоски

Той босой девушкой, которой Геновефа бросила копеечку, была Колоска.

Колоска объявилась в Правеке в июле или августе. Люди дали ей это имя, потому что она собирала с по-

лей оставшиеся после жатвы колосья и жарила их на огне. Потом, осенью, она воровала картошку, а когда в ноябре поля пустели, отсиживалась в трактире на постоялом дворе. Часом кто-нибудь угостит ее водкой, часом перепадет ей краюшка хлеба с салом. Но люди не больно охочи давать что-то за так, задаром, особенно на постоялом дворе, вот Колоска и начала шалавиться. Слегка навеселе, разогретая водкой, она выходила с мужчинами во двор и отдавалась им за кусок колбасы. А поскольку была она единственной столь доступной молодой женщиной на всю округу, мужчины крутились вокруг нее, словно псы.

Колоска была большая и дородная. Со светлыми волосами и светлой кожей, которую не брало солнце. Она всегда бесстыдно смотрела прямо в лицо, даже Ксендзу. Глаза у нее были зеленые, и один из них слегка косил. Мужчинам, которые брали Колоску по кустам, всегда потом бывало не по себе. Они застегивали портки и возвращались в духоту кабака с лицами, залитыми краской. Колоска никогда не желала лечь по-божески. Она говорила:

— Почему я должна лежать под тобой? Я тебе ровня.

Она предпочитала опереться о дерево или деревянную стену шинка и закидывала юбку себе на плечи. Ее зад светился в темноте, словно луна.

Вот так Колоска познавала мир.

Есть два вида усваивания науки. Снаружи и изнутри. Первый из них считается лучшим или даже единственным. Поэтому люди учатся через дальние путешествия, разглядывание, чтение, университеты и лекции — учатся с помощью того, что происхо-